

Шенвиц Феликс

**Кодекс Наполеона, его
характер и причины
распространения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф38

Ф38 **Феликс Ш.**
Кодекс Наполеона, его характер и причины распространения / Шенвиц Фе-
ликс – М.: Книга по Требованию, 2022. – 88 с.

ISBN 978-5-521-30975-7

ISBN 978-5-521-30975-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ни одинъ изъ существующихъ или существовавшихъ кодексовъ не созданъ по волѣ одного отдѣльнаго чело-вѣка, но каждый изъ нихъ является плодомъ долгаго усилія, размышленія, труда, если не нѣсколькихъ поколѣній, то во всякомъ случаѣ многихъ лицъ. Субъективная воля и мысль законодателя не видна въ законодательномъ памятникѣ; она неуловима, такъ какъ, если бы таковая и была, она стушеввалась бы подъ вліяніемъ его редакторовъ и послѣдующихъ измѣненій. Такія громкія названія, какъ напр., Кодексъ Наполеона, *Constitutio Criminalis Carolina*, *Constitutio Criminalis Mariae Theresiae*, *Codex Maximilianeus* — все это имена, и только имена. Содержаніе каждаго изъ этихъ сборниковъ имѣетъ, вообще, мало общаго съ личностью коронованнаго лица, поставившаго имя свое въ заглавіи, но оно соединено неразрывно-крѣпкими узами съ историческимъ прошлымъ народа, съ его нравами, обычаями и его характерными особенностями.

Если кодексъ или даже отдѣльный законъ противорѣчитъ вышеуказаннымъ факторамъ, мы можемъ а priori сказать, что такой кодексъ или такой законъ будетъ мертворожденнымъ; исторія дала намъ примѣръ: Въ Россіи Петръ Великій издалъ въ 1714 году законъ о майоратѣ — нововведеніе совершенно несогласное съ воззрѣніями русскаго народа, которому была чужда идея несправедливаго, неравнаго положенія дѣтей.

Итакъ, національный кодексъ долженъ быть послѣдовательнымъ развитіемъ предшествующихъ нормъ, а потому для правильнаго изученія его надо прежде всего начать съ разсмотрѣнія его исторіи и причинъ образованія.

Кодексъ Наполеона появился въ 1804 году, то есть въ то время, когда республика, уставшая отъ войны, внутреннихъ неурядицъ и бѣдствій, подрывавшихъ въ основѣ больной организмъ страны, передала бразды правленія вождю, сильной власти котораго удалось подчинить себѣ возбужденные, волнующіеся и недовольные общественные элементы. Народъ зналъ, что волей-неволей ему придется отказаться отъ лозунговъ свободы, равенства и братства—тѣхъ идеаловъ, которыми должна была руководиться республика, и подчиниться военной дисциплинѣ Наполеона; но Наполеонъ оказался не только первокласснымъ полководцемъ, но и энергичнымъ законодателемъ. Онъ въ скоромъ времени приказалъ создать тотъ гражданскій кодексъ, который пережилъ его и его правленіе, который существуетъ и дѣйствуетъ во Франціи и по нынѣ и распространился по всей Европѣ. Не только государства съ населеніемъ романскаго происхожденія, какъ Бельгія, Италія или Румынія, но также Польша и Египетъ приняли Кодексъ Наполеона.

Чѣмъ же объяснить себѣ столь быстрое его распространеніе, напоминающее по своимъ размѢрамъ рецепцію римскаго права? Мы легко найдемъ причину, если сравнимъ, съ одной стороны, Кодексъ Наполеона съ предшествующимъ законодательствомъ Франціи и другихъ государствъ, если затѣмъ мы рассмотримъ политическое положеніе европейскихъ державъ во время правленія Наполеона, и, наконецъ, если мы примемъ во вниманіе, что всѣ гражданскіе кодексы стремятся ввести единообразіе въ право и устранить въ немъ партикуляризмы. Ввести одно общее гражданское право во всѣ государства — дѣло будущаго, какъ вообще и всѣ стремленія къ упроченію связи между народами; намъ же надо заняться разсмотрѣніемъ кодекса, который въ глазахъ толпы, склонной къ гиперболамъ, явился какъ бы дѣтищемъ революціи, и который объѣхалъ всю Европу въ императорской коляскѣ Наполеона! Хотя въ этомъ утвержденіи и кроется доля правды, намъ придется отказаться отъ такого не критическаго взгляда и изучить

Кодексъ Наполеона — виднѣйшій памятникъ французскаго законодательства, съ исторической точки зрѣнія.

Ради ознакомленія съ развитіемъ французскаго права перенесемъ мыслью въ иную эпоху, именно въ то отдаленное время, когда не было еще прочной французской монархіи съ ея централистическимъ, бюрократическимъ режимомъ, но когда Франція, какъ и вся Западная Европа, была свидѣтельницей феодальнаго строя. Я говорю о XIII вѣкѣ; съ этого времени Францію можно раздѣлить на двѣ части—сѣверную и южную. Въ первой было распространено нарѣчіе патуа, т. е. *langue d'oïl*; въ южной, т. е. отъ рѣки Лоары на югъ, *langue d'oc*. Въ первой (сѣверной) населеніе руководствовалось древними обычаями германскаго происхожденія, не записанными нигдѣ (*droit coutumier*), во второй (южной) было писанное право (*droit écrit*); очевидно, этимъ правомъ было римское право въ переработкѣ глоссаторовъ и комментаторовъ. Итакъ, на ряду съ различіемъ въ языкѣ, мы видимъ различіе въ правѣ сѣверныхъ и южныхъ провинцій; эта разница съ теченіемъ времени не исчезла, но однако уменьшилась подъ вліяніемъ королевскихъ ордонансовъ, стремящихся къ объединенію провинцій и уничтоженію партикуляризовъ. Отличіе права обычнаго (сѣвера) отъ римскаго (юга) состояло, напримѣръ, въ томъ, что первое (обычное) признавало общность имущества супруговъ съ ограниченнымъ правомъ завѣщанія и сильную прагерманскую отцовскую власть; римское право считало бракъ обыкновеннымъ контрактомъ и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, признавало раздѣльность владѣнія имуществами супруговъ, хотя съ той существенной оговоркой, что приданое являлось собственностью мужа.¹⁾ Такое разногласіе и различіе было невыгодно для самодержавной власти, и потому короли спѣшили записывать обычаи и объединять провинціи путемъ ордонансовъ, распространявшихъ свое дѣйствіе на всю французскую терри-

¹⁾ Максимъ Леруа.—Старое и новое право. стр. 11.

торію. Порталисъ правильно замѣтилъ, что „люди, которые стоятъ въ подчиненіи у одной и той же верховной власти, но не управляются одними и тѣми же законами, поневолѣ остаются чуждыми другъ другу; они подчиняются одной и той же власти, не будучи членами одного и того же государства. Они образуютъ столько же различныхъ націй, сколько существуетъ различныхъ обычаевъ; они не могутъ указать общаго отечества...¹⁾ Потому то правительственная власть и спѣшила собирать обычаи, и они, сведенные по частямъ, образовали національное французское право, чуждое и римскому гражданскому и каноническому. Свести же всѣ законы и обычаи въ одинъ сборникъ не удалось ни одному королю по той простой причинѣ, что въ каждой провинціи были свои отдѣльные, отличные отъ другихъ обычаи. Остроумно выразился Вольтеръ въ Философскомъ Словарѣ, что „въ одной только европейской провинціи между Альпами и Пиренеями имѣется свѣше сорока небольшихъ народцевъ, которые именуются соотечественниками и которые въ сущности такъ же чужды другъ другу, какъ тонкинцы жителямъ Кохинхины“. Короли старались сблизить провинціи, соединяя ихъ разнородное право; важны въ этомъ отношеніи попытки Людовика XI, хотя онѣ ему и не удалось. Филиппъ Красивый установилъ Парламенты и Генеральныя Штаты. Отправляли правосудіе рыцари и юристы; ихъ полномочія раздѣлялись такимъ образомъ, что *gens de robe courte* (рыцари) произносили приговоры, а *gens de robe longue* ихъ редактировали (Delsol. *Zasady Kodeksu Napoleona*. 1873. 3 тому. Wstęp, 5 str.). Сначала было мало парламентовъ, затѣмъ ихъ число возросло до 12. Функціи парламентовъ сперва состояли въ регистраціи королевскихъ эдиктовъ; потомъ парламенты разсматривали эдикты и часто противились повелѣніямъ короля. Въ такомъ случаѣ, король, заинтересо-

¹⁾ Альбертъ Сорель. — Историко-культурное значеніе французскаго гражданского кодекса. 1905. СПб. (Ж. М. Ю. Июнь, 1905 г.) стр. 4.

ванный въ проведеніи опредѣленнаго эдикта, издавалъ *lettres de jussion*, гдѣ постановлялось, какіе акты слѣдуетъ зарегистрировать. Если и этомъ случаѣ парламентъ не исполнялъ повелѣнія короля, послѣдній созывалъ *lit de justice*. Это было торжественное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ короля; въ его присутствіи члены парламента не имѣли права вести никакихъ преній, и потому эдиктъ провозглашался, хотя, по мѣткому выраженію одного юриста, „справедливость дремала“. Людовикъ XIV предпринимаетъ рѣшительныя мѣры: при содѣйствіи Ламуаньона ¹⁾ кодифицируются юридическія рѣшенія парижскаго парламента; Кольберъ публикуетъ шесть ордонансовъ: о гражданскомъ судопроизводствѣ, о слѣдствіи по уголовнымъ дѣламъ, о торговлѣ, о мореплаваніи, о водныхъ путяхъ и лѣсахъ, и о положеніи негровъ въ колоніяхъ (Черный кодексъ). Замѣчательно то обстоятельство, что выработка этихъ ордонансовъ была поручена не доктринерамъ, которымъ не довѣрялъ самъ Кольберъ, но опытнымъ практикамъ, сумѣвшимъ отнестись къ этому огромному труду съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ. Важны также труды, канцлера д'Агессо, издавшаго ордонансы о дарахъ, завѣщаніяхъ, фидеикомиссахъ, объ уголовномъ преслѣдованіи за подлогъ и объ искахъ. Я упоминаю объ этихъ кодификаціонныхъ попыткахъ потому, что эти ордонансы послужили главнымъ источникомъ для Кодекса Наполеона. Мало того, нѣкоторые ордонансы, равно какъ и лучшіе труды юристовъ монархической Франціи (какъ напр., *Les droits naturels dans leur ordre naturel*—Domat и *Traité des obligations*—Pothier) ²⁾ были цѣликомъ инкорпорированы въ Кодексъ Наполеона, и составителямъ его приходилось лишь мѣстами измѣнять форму.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что Кодексъ Наполеона совсѣмъ не новый кодексъ, но имѣетъ за со-

¹⁾ Максимъ Леруа.—Старое и новое право. стр. 13.

²⁾ Зигель. — Исторія славянскихъ законодательствъ. стр. 36 37.

бой большое историческое прошлое, давшее ему прочный фундаментъ. Это отнюдь не значитъ, что Кодексъ Наполеона является повтореніемъ ордонансовъ Людовиковъ; въ немъ мы находимъ очень много вліянія французской революціи, которая происходила наканунѣ его изданія.

Разсмотримъ теперь, что дала кодексу Великая Французская Революція; только послѣ этого сумѣемъ мы провести рѣзкую границу между законами стараго режима и Революціи — съ одной стороны, и новаго режима — съ другой.

Мы упомянули о томъ, что послѣднія узаконенія и ордонансы касались по преимуществу вопросовъ торговли и промышленности (ордонансы Кольбера), т. е. основъ богатства и экономической силы и могущества буржуазіи — третьяго сословія, которое и совершило революцію. Выдающійся юристъ XVIII вѣка, аббатъ Dubos въ трактатѣ: *Histoire critique des établissements de la monarchie France* проводитъ взглядъ, что основой населенія является буржуазія (онъ самъ происходилъ изъ горожанъ), и потому ей должна принадлежать руководящая власть въ государствѣ. Позднѣе Монтлезье пытался доказать, что весь періодъ съ начала существованія французскаго государства и кончая Революціей, былъ свидѣтелемъ безпрестанной борьбы не родовитой, низкой по происхожденію буржуазіи, дѣйствовавшей сначала въ союзѣ съ королемъ, противъ законныхъ, по его мнѣнію, правъ аристократіи, а потомъ той же буржуазіи противъ короля и дворянства. Если его взглядъ и можно назвать преувеличеннымъ, все-же не трудно замѣтить, что въ XVII и, главнымъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ дѣйствительно происходила сильная борьба между этими двумя классами изъ-за пальмы первенства. Не трудно было предвидѣть, что все усиливающееся могущество буржуазіи будетъ роковымъ для ихъ противниковъ, которыхъ неуклонно приближала къ пропасти роскошная жизнь въ связи съ недостаткомъ денежныхъ средствъ. Въ результатъ ненормальнаго положенія общественныхъ классовъ появилась Великая Французская Революція, разрушившая дряхлый „ancien régime”. Но эта революція произвела

большій переворотъ въ публичномъ правѣ, чѣмъ въ гражданскомъ; это и понятно: вѣдь нельзя однимъ взмахомъ пера совершить капитальный переворотъ въ жизни цѣлаго народа. Послѣдній жилъ всего лишь нѣсколько лѣтъ подъ республиканскимъ правленіемъ, но зато цѣлые вѣка подъ монархическимъ. Законы, созданные во время монархіи, вошли въ плоть и кровь его, такъ какъ они сложились въ продолженіе долгихъ лѣтъ и осязались многовѣковымъ обычаемъ. Законы, изданные во время революціи и республики въ высшей степени измѣнчивы; за одно лишь десятилѣтіе смѣнились три конституціи! Политическіе и общественные дѣятели, да и само правительство, смѣнялись слишкомъ быстро, и ихъ законы зачастую страдали огромнымъ недостаткомъ, именно—носили отпечатокъ поспѣшности, недоконченности.

А народъ жаждалъ кодекса, единого, полного, который пустилъ глубокіе корни въ общество, а главное, упрочилъ бы власть за тѣми, кто эту революцію создалъ. Желаніе создать кодексъ появилось вмѣстѣ съ появленіемъ Революціи. Уже 16—24 августа 1790 года черезъ законодательное учрежденіе прошла резолюція: „Les lois civiles seront reunies et refermées par les législateurs et qu'ils fassent un code général de lois simples, claires et appropriées à la Constitution“. Учредительное Собраніе успѣло создать уголовный кодексъ, который въ IV году былъ превращенъ въ Уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Еще въ 1791 году, 16 сентября, приглашены были всѣ французы и иностранцы для участія въ созданіи гражданского кодекса. Конвентъ 2—14 сентября 1792 года учредилъ Комитетъ гражданского законодательства, уголовного и феодальнаго, составленнаго изъ 48 членовъ. Появляется на сцену Cambacérès въ 1792—1793 году; онъ былъ докладчикомъ и инициаторомъ трехъ проектовъ; всѣ они, однако, потерпѣли неудачу. Такъ, когда Національное собраніе хотѣло приступить къ обсужденію проекта (II года), оно должно было уступить свое мѣсто Директоріи. Другой проектъ Камбасереса потерпѣлъ неудачу въ IV году въ Совѣтѣ Пяти-

сотъ. Въ томъ же году (IV-омъ, т. е. 1800) было предложено Камбасересу выработать новый проектъ гражданского уложенія. Наконецъ въ VIII году Жакмино предложилъ свой проектъ, но также потерпѣлъ неудачу. Кромѣ этихъ проектовъ были еще предложены нѣкоторые, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія проектъ Комитета 13-аго брюмера 1793 года, состоявшаго изъ шести лицъ: Couthon, Montant, Meaulle, Leconds, Richard, Raffron. Этотъ комитетъ представилъ 23-ьяго фруктидора II года проектъ, состоявшій изъ 719 статей, уменьшенный впослѣдствіи до 297 статей. Этотъ проектъ, какъ и всѣ другіе, былъ отклоненъ. Итакъ главнѣйшими и важнѣйшими проектами надо считать проекты Камбасереса, Жакмино и Тронше (въ VIII году).

Наконецъ 24-аго термидора VIII года, т. е. 12 августа 1800 года, консулы—Наполеонъ Бонапартъ, Камбасересъ и Лебрень поручили выработать проектъ гражданского кодекса комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя Тронше — предсѣдателя кассационнаго суда, Порталиса — правительственного комиссара въ призовомъ судѣ, Биго Преамнэ — правительственного комиссара въ кассационномъ судѣ, и секретаря Мальвиля — члена кассационнаго суда.

Что же сдѣлали редакторы: они обратились къ прежнему законодательству Франціи, а не къ революціонному; къ ордонансамъ Людовиковъ, а не къ ученію энциклопедистовъ. Это не потому, что революціонеры не признавали закона,—нѣтъ; вѣдь Michelet выразился: „Я опредѣляю революцію, какъ наступленіе закона. Законъ для революціи—это высшій факторъ новой эпохи... это добродѣтель, свобода, высшая гарантія новаго порядка вещей¹⁾. Мало того, объявленіе кого-либо внѣ законовъ равносильно лишенію его правъ человѣка и француза; это—величайшее наказаніе. Итакъ, идея законности овладѣла умами; вѣдь по мнѣнію многихъ современниковъ сама революція была „законна“. Такъ сильно было вліяніе, которое оказали на тогдашнее общество философы XVII и XVIII вѣка—Гоббсъ, Спи-

¹⁾ Michelet. — Histoire de la Révolution en France. I т.

ноза, Вольтеръ, а также Руссо—своей теоріей договорнаго происхожденія общественной власти! Но термидорскіе комиссары, авторы новаго проекта, были очень далеки отъ этой философіи. Они быстро сѣли за работу и закончили ее въ четыре мѣсяца, такъ что проектъ обсуждался уже 28 мессидора X года въ Государственномъ Совѣтѣ. Ихъ проектъ потерпѣлъ крушеніе, потому что ихъ взгляды слишкомъ устарѣли; вѣдь авторы были юристами-практиками стараго режима, и притомъ ловкими карьеристами и политиками. Они задались цѣлью примирить Сѣверъ съ Югомъ, обычное право съ римскимъ, философію съ традиціей. „Новыя теоріи являются только достояніемъ отдѣльныхъ лицъ, древнія же правила выражаютъ духъ вѣковъ“¹⁾.

Проектъ этотъ потерпѣлъ неудачу, потому что путь примиренія опасенъ и ненадеженъ. И дѣйствительно, „какъ только они отмѣнили брачный договоръ, допуская фактъ раздѣльности имущества супруговъ, благодаря отсутствію въ немъ какихъ либо указаній на этотъ счетъ, Югъ поднялъ шумъ; когда допустили широкую свободу завѣщаній—радовался Сѣверъ“²⁾.

Впослѣдствіи, когда на очереди стали вопросы о гражданскомъ состояніи и о возстановленіи отмѣненной революціей *droit d'aubain*³⁾ нужно было на время прекратить дебаты. Наполеонъ видѣлъ, что нѣкоторые отдѣлы кодекса не имѣютъ надежды пройти черезъ Законодательное Учрежденіе, и 12-аго нивоза X года объявилъ: „правительство съ горечью видитъ себя вынужденнымъ отложить до другого времени обсужденіе законовъ, которыхъ нація ждетъ съ такимъ интересомъ. Но оно убѣдилось, что еще не наступило время для того, чтобы въ обсужденіе столь важныхъ вопросовъ люди могли внести необходимое спокойствіе и един-

¹⁾ Locré.— *La Législation civile de la France*. т. I, стр. 326.

²⁾ Леруа.—*Старое и новое право*. стр. 20.

³⁾ Декретъ 6 августа 1790 года: *La France doit ouvrir son sein à tous les peuples de la terre en les invitant à jouir sous un gouvernement libre des droits sacrés et inaliénables de l'humanité*.

ство взглядовъ“. Наполеонъ прекрасно понималъ, что въ многолюдномъ собраніи законы не могутъ обсуждаться спокойно; съ другой же стороны онъ хотѣлъ уничтожить враждебный ему элементъ, и потому предпринялъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ. *Senatusconsult*’омъ 16-аго термидора онъ измѣнилъ количественный составъ Трибунала, устрасилъ оппозицію, и достигъ своей цѣли: кодификація была закончена 21 марта 1804 года.

Измѣненія, произведенныя революціоннымъ законодательствомъ, станутъ особенно ясными изъ слѣдующаго перечня:

Учредительное собраніе (Assemblée constituante), существовавшее съ 5 мая 1789 г. по 30 сентября 1791 г.; имъ былъ уничтоженъ феодальный строй, объявлена декларация правъ человѣка и гражданина, объявлена свобода гражданъ и равенство всѣхъ передъ закономъ, учреждена строгая административная централизація, введена открытая защита на судѣ.

Законодательное учрежденіе, существовавшее съ 1 октября 1791 г. по 21 сентября 1792 г., уничтожало старыя учрежденія, не строя взамѣнъ ничего.

Конвентъ, существовавшій съ 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г., объявилъ 2 конституціи, изъ которыхъ первая (1793 года) совѣтъ не была проведена въ жизнь, а вторая (1796 года) учредила Директорію. Во время Конвента былъ опубликованъ уставъ о наслѣдствахъ (7 нивоза II года) и законъ объ ипотекахъ (19 мессидора III года).

Директорія, существовавшая съ 26 октября 1795 года по 6 ноября 1799 г.; опубликованъ законъ 15 жерминаля VI года и 11 брюмера VII года (объ ипотекахъ).

Консульство, существовавшее съ 19 ноября 1799 года по 18 мая 1804 года.

Во время Имперіи были изданы:

Уставъ гражданскаго судопроизводства 1800 г.

Торговый Кодексъ 1808 г., Уголовный Кодексъ 1810 г. и Уставъ уголовного судопроизводства 1810 г.

Итакъ вся работа продолжалась менѣе трехъ лѣтъ.